
pocket**book**

rocket**book**

ГЕЙЛ ФОРМАН

Я была здесь



МОСКВА
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф79

Gayle Forman

I WAS HERE

Copyright © 2015 by Gayle Forman Inc.

Перевод с английского *Ю. Федоровой*

Оформление серии *А. Саукова*

Форман, Гейл.

Ф79 Я была здесь / Гейл Форман ; [пер. с англ. Ю. Л. Федоровой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-699-85770-8

В основу романа Гейл Форман легла реальная история Сьюзи Гонсалес, девушки, чья жизнь оборвалась трагически и внезапно.

Когда Мэг, лучшая подруга Коди, решается на самоубийство, жизнь маленького городка меняется. Причину ее поступка ищут все — любящие родители, друзья и маленький брат. Не может смириться с утратой и Коди. Они были вместе с самого детства — как же она могла не заметить, что Мэг нужна помощь? Чтобы разобраться в случившемся, Коди едет в университетский городок, где еще совсем недавно жила Мэг. Там Коди понимает, что ей было известно о подруге далеко не все. Она ничего не знала о ее новых друзьях, о Бене, юноше с гитарой и насмешливой улыбкой, и — главное — о зашифрованном файле, который Мэг старательно прятала.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Федорова Ю., перевод
на русский язык, 2016

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85770-8

1

На следующий день после смерти Мэг мне пришло вот такое письмо:

К сожалению, вынуждена сообщить, что мне пришлось покончить с собой. Я думала об этом очень долго и приняла такое решение самостоятельно. Я знаю, что тебе будет больно, и прошу меня за это простить, но, пожалуйста, пойми, что мне было просто необходимо прекратить свои страдания. С тобой это никак не связано, только со мной. Ты ни в чем не виновата.

Мэг

Она отправила такие письма родителям, мне и в полицию Такомы, а отдельным текстом рассказала, в каком мотеле и в каком номере находится, какой яд выпила и как обращаться с ее трупом, чтобы не повредить себе. На подушке в мотеле оказалась еще одна записка, в которой она велела горничной вызвать полицию и не трогать тело. И оставила ей пятьдесят долларов на чай.

Письма по электронке были отправлены с задержкой, чтобы мы получили их через значительное время после того, как ее не станет.

Разумеется, я об этом узнала не сразу. А когда прочла письмо Мэг на экране библиотечного компьютера, подумала, что это, наверное, какая-то шутка. Или розыгрыш. Я позвонила Мэг, она не ответила, тогда я набрала ее родителям.

— Вы получили письмо от Мэг? — спросила я.

— Какое письмо?

2

Заупокойные службы. Бдения. Потом общие молитвы. Я все больше во всем этом путаюсь. Во время ночного бдения надо держать в руках свечи, но иногда так делают и на общих молитвах. А на заупокойной службе люди разговаривают друг с другом, хотя что тут можно сказать?

Достаточно того, что Мэг умерла. Намеренно лишила себя жизни. Хотя за то, что мне теперь из-за нее приходится терпеть все это, я бы сама ее убила.

— Коди, ты готова? — кричит Триша.

Сегодня четверг, вторая половина дня, и мы собираемся уже на пятую службу за последний месяц. Бдение со свечами. Вроде как.

Я выхожу из своей комнаты. Мама застегивает черное коктейльное платье, которое она купила в «Гудвиле» после смерти Мэг. Пока Триша носит его на эти службы, но я не сомневаюсь, что пройдет немного времени, и она начнет выходить в нем в свет и по другим случаям. Мама выглядит

в нем очень сексапильно. Как и многим другим жителям нашего городка, траур ей к лицу.

— Почему ты не одета? — спрашивает она.

— У меня все приличное — грязное.

— Что значит приличное?

— В смысле, то, что более-менее подходит для похорон.

— Раньше грязь тебя не смущала.

Мы пристально смотрим друг на друга. Когда мне было восемь, Триша объявила, что я достаточно большая, чтобы самой стирать свои вещи. А я ненавижу стирку. Думаю, вы видите, к чему это приводит.

— Я вообще не понимаю, зачем нам идти на очередную службу, — признаюсь я.

— Потому что согражданам надо переварить случившееся.

— Еду надо переваривать. А согражданам лучше отвлечься на другую драму.

Как гласит потускневший знак на шоссе, в нашем городке проживает тысяча пятьсот семьдесят четыре человека.

«Тысяча пятьсот семьдесят четыре человека, — сказала Мэг, сбегая прошлой осенью в Такомский колледж, в котором ей дали полную стипендию. — А когда ты переедешь в Сиэтл и мы на двоих снимем квартиру, будет тысяча пятьсот семьдесят два».

Пока зависло на тысяче пятьсот семидесяти трех, и, полагаю, так и будет, пока не родится или не умрет кто-то еще. Мало кто уезжает. Даже ког-

да Тэмми Хентхофф и Мэтт Парнер разошлись со своими супругами и сбежали вдвоем — это была самая популярная тема для сплетен до того, как умерла Мэг, — они переехали не далее чем в парк «домов на колесах», разбитый на окраине.

— А мне обязательно идти? — Хотя я не знаю, зачем утруждаю себя вопросом. Триша — моя мать, но власти она надо мной не имеет. Но идти обязательно, я это понимаю, и понимаю почему. Ради Джо и Сью.

Это родители Мэг. То есть были. Я все никак не привыкну. Интересно, когда человек умирает, ты перестаешь быть ему родителем? А если он расстался с жизнью умышленно?

У них обоих совершенно разбито сердце и такие огромные мешки под глазами, что, наверное, уже никогда не пройдут. И именно ради Джо и Сью я выбираю наименее вонючее платье и натягиваю его на себя. И готовлюсь петь. Снова.

«О, благодать». О ужас.

3

Я мысленно написала уже с десяток панегириков по Мэг — обо всем, что я могу о ней сказать. О том, как в первые же дни познакомилась с ней в детском саду и она подарила мне наш с ней общий портрет, написав на нем наши имена и еще какие-то незнакомые мне слова, — я тогда, в отличие от Мэг, ни читать, ни писать не умела.

«Тут говорится, что мы с тобой лучшие подружки», — пояснила она. И это сбылось, как и все ее предсказания и желания. Я могла бы рассказать о том, что все еще храню тот рисунок. В жестяной коробке от инструментов с другими своими сокровищами, хотя листок уже очень старый и потрепанный из-за многочисленных просмотров.

Еще я могла бы сказать о том, что Мэг замечала в людях такое, чего они сами за собой не знали. Например, кто сколько раз чихает подряд — оказывается, тут есть закономерность. Я — три раза, Скотти и Сью — по четыре, Джо — два, сама Мэг — пять. А еще она могла вспомнить, на ком что было надето в любой знаменательный день, на каждый Хеллоуин. Она была для меня как мой собственный архив. И как творец моей истории — ведь практически каждый Хеллоуин мы проводили с ней вместе, как правило, в придуманных ею костюмах.

Или о том, что Мэг была просто помешана на песнях о светлячках. Это началось в девятом классе, когда ей попалась виниловая пластинка с синглом группы «Heavens To Betsy». Подруга затащила меня к себе в комнату и поставила эту поцарапанную пластинку на старом граммофоне, купленном за доллар на распродаже. Она и отремонтировала его своими руками при содействии видеороликов на Ютьюбе. «И тебе никогда не понять, что значит небо озарять. Ты не узнаешь, дурачок, как чувствует себя светлячок», — пела

Корин Такер¹, и ее голос казался одновременно нечеловечески сильным и уязвимым.

После этого открытия Мэг начала собирать настоящую коллекцию всех годных песен про светлячков. Будучи, как всегда, верна себе, за неделю она нарыла просто огромный список. «Ты когда-нибудь хотя бы *видела* светлячка?» — поинтересовалась я, пока она над ним корпела.

Я знала, что нет. Мэг, как и я, ни разу не бывала западнее Скалистых гор. «Успею еще», — ответила она, разводя руками, словно показывая, какой кусок жизни ждет ее впереди.

Джо и Сью Гарсиасы просили меня произнести речь на первой службе, на серьезной, которая должна была пройти в католической церкви, что их семья посещала несколько лет. Но она не состоялась, потому что отец Грейди хоть и был другом семьи, но строго придерживался правил. Он сказал Гарсиасам, что их дочь совершила смертный грех, следовательно, ее душе не место в раю, а ее телу — на католическом кладбище.

Хотя вторая половина была сказана лишь ради красного словца. Полиция далеко не сразу отдала труп. По всей видимости, Мэг выпила какой-то редкий яд, хотя никого из тех, кто ее знал, это бы несколько не удивило. Она никогда не покупала одежду в сетевых магазинах, посто-

¹ Корин Лиза Такер (р. 1972) — американская певица, гитаристка и актриса.

янно слушала такую музыку, о которой никто больше не знал. Разумеется, и яд выбрала какой-то нераспространенный.

Так что гроб, над которым все лили слезы на первой серьезной службе, был пуст, а сами похороны пока не состоялись. Я случайно услышала, как Хавьер, дядя Мэг, сказал своей подружке, что, может, так оно и лучше. К тому же никто не знал, что написать на могильной плите. «Что ни скажи, звучит как упрек», — прокомментировал он.

Я пыталась написать речь для этой службы. По-честному. Для вдохновения достала записанный моей подружкой диск с песнями про светлячков. Третьим шел трэк группы «Bishop Allen» под названием «Светлячки». Не уверена, вслушивалась ли я когда-либо в этот текст раньше — потому что теперь он прозвучал как пощечина из могилы: «Говорят, что ты все еще можешь простить ее. И она тебя тоже простит».

Но я не знаю, могу ли. И не уверена, простила ли она меня.

Я извинилась перед Сью и Джо, что не могу прочесть панегирик, потому что ничего в голову не идет.

Так я впервые им солгала.

Сегодня служба проходит в клубе «Ротари», то есть она не официально церковная, хотя проводить ее будет какой-то священник. Не знаю, откуда они берутся, все эти люди, которые даже не

были знакомы с Мэг. После службы Сью приглашает меня на очередной прием у них дома.

Раньше я проводила там столько времени, что по запаху в прихожей могла определить, в каком Сью настроении. Аромат масла означал, что она печет, то есть ей грустно и ее требуется подбодрить. Запах специй говорил о том, что она счастлива и готовит что-нибудь остренькое для Джо из мексиканской кухни, хотя у нее самой от нее желудок болит. Когда пахло попкорном, она лежала в темноте в своей постели и ничего не готовила, предоставив Мэг и Скотти самим себе, то есть они разогревали себе в микроволновке всякий фаст-фуд. В такие дни Джо шутил, как повезло детям, что они могут набивать себе живот всякой гадостью, и шел вверх по лестнице проверить, как там Сью. И мы все делали вид, что радуемся, хотя после третьей пачки попкорна уже начинало тошнить.

Я очень хорошо знаю их семью и, набирая номер Гарсиасов в то утро, когда получила письмо от Мэг, не сомневалась, что Сью в субботу в одиннадцать еще лежит в постели, хотя уже не спит, как она сама говорила, после того, как дети перестали будить с утра пораньше, она так и не вернулась к прежнему графику. А Джо варил себе кофе, разложив на кухонном столе утреннюю газету. Скотти смотрел мультики. Среди прочего я любила дом Мэг за такое постоянство. Этим ее семья отличалась от моей — Триша обычно раньше

обеда не просыпалась, иногда она варила кашу, а иногда ее было вообще не найти.

Но теперь дом Гарсиасов примечателен иным постоянством, менее привлекательным. Но когда Сью зовет меня в гости, я всегда соглашаюсь, как ни хотелось бы отказаться.

Сегодня у дома припарковано меньше машин, чем бывало раньше, когда выразить соболезнования приходил весь город, принося заодно что-нибудь из еды. Все это было тяжело — эти их запеканки и сопутствующие им «искренне соболезную». В то время как по всему городу ходили слухи. «Ничего удивительного. Издалека было видно, что девочка с причудами», — шептали люди в магазинах типа «Секл-Ки». Мы с Мэг знали, что некоторые именно так о ней отзываются, — в нашем городке она была подобна цветущей розе в пустыне, народ ее не понимал — но теперь, когда она умерла, в таких комментариях уже ничего почетного не слышалось.

И на прицеле у них была не только Мэг. У Триши в баре я слышала колкости и в адрес Сью. «Я бы на ее месте заметила, что у моей дочери *суицидальные наклонности*». И говорила это мать Кэрри Таркингтон, переспавшей с половиной школы. Я хотела спросить, знает ли миссис Таркингтон об *этом*, если она такая догадливая. Но тут ей ответила подруга: «На месте Сью? Да ты что, эта женщина в лучшем случае витает в облаках». Для меня их бессердечность была как

удар под дых. «Сволочи, а вам бы каково было, если бы у вас дочь погибла?» — едко спросила я. Трише пришлось отвезти меня домой.

А после сегодняшней службы ей надо работать, так что она высадила меня у дома Гарсиасов. Я сама открыла дверь. Джо и Сью крепко меня обняли, продержав чуточку дольше, чем мне бы хотелось. Я понимаю, что они видят во мне некое утешение, но когда Сью на меня смотрит, я слышу ее молчаливые вопросы и понимаю, что все они сводятся к одному: «Ты знала?»

Не представляю, что было бы хуже. Если бы я знала и не сказала. Или как есть: хотя мы с Мэг и были лучшими подругами и я сама рассказывала ей все и предполагала, что и она так же всем делится со мной, — я не знала. Совершенно не догадывалась.

«Я думала об этом очень долго», — писала она в письме. Долго? Сколько? Несколько недель? Месяцев? Лет? Мы с Мэг познакомились в детском саду. И с тех пор были лучшими подругами, почти сестрами. Как долго она думала об этом, ничего мне не говоря? И — что еще важнее — почему она мне не сказала?

Десять минут прошло в вежливом печальном молчании, после чего Скотти, десятилетний брат Мэг, подходит ко мне с их — то есть теперь только его — псом Самсоном на поводке. «Погуляем?» — предлагает он нам обоим.

Я киваю и встаю. Скотти, похоже, единствен-

ный, кто сохраняет хоть какое-то сходство с собой прежним. Может, потому что он еще маленький, хотя не такой-то уж, плюс они были очень дружны с сестрой. Когда у Сью в очередной раз портилось настроение, Джо брался за ней ухаживать и их обоих не было видно, Мэг была для Скотти все равно что мать.

Сейчас конец апреля, но погоду об этом как будто не предупредили. Ветер яростный и холодный и зло бросается песком. Мы направляемся к большому пустырю, где собакам разрешается гадить, и Скотти спускает Самсона с поводка. Пес радостно скачет прочь, ничего не зная о нашем несчастье.

— Ну, ты как, Рантмайер? — эта его старая шутилка звучит фальшиво, к тому же я уже знаю, как он. Но теперь, когда Мэг уже не играет роль наседки, а Сью с Джо целиком захвачены горем, кто-то должен им хотя бы интересоваться.

— Дошел до шестого уровня в «Поиске дьявола», — сообщает он и пожимает плечами. — Теперь могу играть, сколько захочу.

— Вот повезло, — и я тут же зажимаю себе рот рукой. Мой горький кладбищенский юмор не для всех.

Но с губ Скотти срывается грубоватый смешок — он для своего возраста слишком повзрослел.

— Ну да, — он смотрит на Самсона, нюхающего под хвостом какой-то колли.